

*Стивену Маллатратту¹
с любовью и признательностью*

¹ *Стивен Маллатратт (1947–2004)* — английский драматург и автор сценариев телевизионных спектаклей. Незадолго до кончины подготовил сценическую редакцию романа Сьюзен Хилл «Женщина в черном». — *Здесь и далее примеч. перев.*

Пролог

Эту историю однажды ближе к ночи — мороз во дворе колледжа пробирал до костей — рассказал мне мой старый наставник Тео Пармиттер, когда мы сидели у огня в его служебной квартире. В те времена в каминах еще горел настоящий огонь, а уголь в громадных медных ведерках приносил слуга. Я проделал путь от Лондона, чтобы повидаться со старым другом, которому тогда было уже далеко за восемьдесят: мужчина по-прежнему бодрый и сердечный, с острым умом, он, однако, был настолько искалечен жестоким артритом, что уже с трудом выбирался из дому. Колледж заботливо опекал его. Тео Пармиттер принадлежал к вымирающему племени старых кембриджских холостяков, которому

колледж заменял семью. Он прожил в своей прелестной квартире больше пятидесяти лет и собирался здесь умереть. Кое-кто из его бывших учеников взял себе за правило время от времени навещать старика, привозя с собой новости и живое дыхание мира. Ведь Тео любил этот мир. Ему больше не удавалось окунуться в него надолго, но он обожал легкий треп: послушать, кто, где и кем работает, кто преуспевает, достиг той или иной высокой должности или оказался замешан в каком-нибудь скандале.

Я изо всех сил развлекал его бóльшую часть дня и за обедом, который нам подали в его комнатах. Я собирался остаться на ночь, встретиться еще с парой знакомых и скоренько пробежаться по старым, излюбленным местам.

Впрочем, мне бы не хотелось, чтобы у вас создалось впечатление, будто то был сочувственный визит к старцу, от которого я мало что получал взамен. Напротив, Тео был потрясающим со-

беседником — остроумным, язвительным, прозорливым, это был настоящий кладезь историй, которые отнюдь не являлись бессвязными воспоминаниями старика. Рассказчик он был чудесный. И все, даже самые молодые из соискателей всегда состязались за право сидеть рядом с ним за обедом в общем зале.

Шла, помнится, последняя неделя каникул, и в колледже было тихо. Мы отлично пообедали, выпили бутылку доброго кларета и блаженно раскинулись в креслах перед огнем в камине. Однако налетавший, как всегда, прямо с Фенских болот зимний ветер завывал, и временами по стеклу барабанил град взметенного им снега и льда.

В последний час наш разговор стал мягко и неприметно стихать. Я рассказал обо всем, что было у меня нового, вместе с профессором мы уже успели навести порядок на всем белом свете, и теперь языки пламени сглаживали остроту нашей беседы. Восхи-

тительно-уютно было сидеть, нежась в озерцах света от пары ламп, и на какое-то время мне показалось, что Тео задремал.

Тут, однако, он и заговорил:

— Все гадаю, захотите ли вы выслушать странную историю.

— С великим удовольствием.

— Странную и в каком-то смысле волнующую. — Он поудобнее устроился в кресле. Тео никогда не жаловался, но я все же догадывался, что артрит причиняет ему немалую боль. — История как раз под стать такой ночи.

Я взглянул на старика. Лицо его, высвеченное мерцанием пламени в камине, хранило выражение настолько серьезное (я даже готов сказать, «смертельно серьезное»), что я несколько опешил.

— Принимайте это как угодно, Оливер, — тихо произнес Тео, — но, уверяю вас, эта история — правда. — Он подался вперед. — Прежде чем начать, могу я побеспокоить вас и попро-

свить принести сюда графинчик с виски? — Я встал и направился к полке с напитками, а Тео тем временем сообщил: — История моя связана с картиной, что слева от вас. Вы ее помните?

Он указал на узкую полоску стены между двумя книжными шкафами, скрытую густой тенью. Тео всегда считался довольно удачливым коллекционером живописи и обладал несколькими весьма ценными рисунками старых мастеров и акварелями XVIII века. Все они достались ему, как он однажды признался, по скромным ценам еще в пору его молодости. Я не слишком разбираюсь в картинах, и, честно говоря, вкус Тео не совпадает с моим. И все же я подошел к полотну, на которое он указывал.

— Включите там свет.

От времени краски на картине несколько потемнели, но теперь я видел ее очень хорошо и рассматривал с интересом. Изображалась на ней сценка венецианского карнавала. На плаву-

чей пристани рядом с Большим каналом и на площади позади нее одетая в маски и плащи толпа стояла вокруг развлекавших публику жонглеров, акробатов и музыкантов. Одни усаживались в гондолы, другие уже плыли в них по воде. Лодки сбивались в кучу, а гондольеры бились на шестах. Картина была из тех, где изображение дается во вспышках салюта и пламени факелов, вызывающих то тут, то там какое-то сверхъестественное сияние, высвечивающих лица и пятна яркой одежды, серебристой рябью лежащих на воду, оставляя в глубокой тени все остальное. Мне такая манера представляется довольно искусственной, но, разумеется, это было превосходное произведение — во всяком случае, на мой неискушенный взгляд.

Я выключил лампочку, и картина со всеми ее слегка зловещими гуляками вновь погрузилась во тьму своего укромного уголка.

СМЕРТЬ ПОД МАСКОЙ

— Кажется, прежде я никогда не обращал на нее внимания, — сказал я, наливая себе виски. — Давно она у вас?

— Дольше, чем я на то имею право. — Тео откинулся на спинку глубокого кресла так, что и сам погрузился в тень. — Я облегчу душу, рассказав то, о чем прежде молчал, и сниму с себя это тяжкое бремя. Надеюсь, вы не против принять часть этого груза?

Мне ни разу не доводилось слышать от него ничего подобного, я и не знал, что голос его способен звучать с такой гробовой серьезностью, но, конечно же, не колеблясь согласился исполнить все его пожелания, совершенно не представляя, чем расплачусь за готовность взять на себя, как выразился Тео, «часть этого груза».

РАССКАЗ
ПЕРВЫЙ

В действительности моя история началась лет семьдесят назад — я был еще мальчишкой, единственным ребенком. Моя мать умерла, когда мне исполнилось три года. Я ее совсем не помню. Случись это сейчас, отец и сам справился бы с моим воспитанием, во всяком случае, до того, как встретил вторую жену, но в то время он понятия не имел, как присматривать за малышом, а стало быть, чередой пошли нянюшки и гувернантки. Все они были вполне милыми, доброжелательными и знающими, и хотя я мало что помню, все же с большой теплотой отношусь к этим женщинам, которые пестовали меня вплоть до раннего отрочества. У моей

матери, однако, была сестра, вышедшая замуж за богатого владельца обширных земель и другой недвижимости в Девоне, и лет с семи я проводил у них все каникулы и праздники. То были идиллические времена! Мне позволялось свободно бродить повсюду, я с радостью водил компанию с местными ребятами (мои тетя и дядя своих детей не имели, но у дяди был взрослый сын от первого брака — его первая жена умерла сразу после родов), с окрестными фермерами-арендаторами, деревенскими жителями, пахарями, кузнецами, конюхами, садовниками и землекопами. Рос я здоровым и крепким, поскольку много времени проводил на свежем воздухе. Но и покинув сельское приволье, я наслаждался, получая иной род воспитания. Мои тетя и дядя были людьми образованными, поразительно много и с толком читали, собрали превосходную библиотеку. Мне позволяли вести себя в ней так же вольно, как и во всей

усадьбе, и я, следуя их примеру, скоро с жадностью пристрастился к чтению. Тетушка моя к тому же была еще и большим знатоком картин. Она любила английские акварели, однако имела вкус, хотя и традиционный, к старым мастерам. Пусть не могла она позволить себе приобретать картины великих, зато собрала хорошую коллекцию менее знаменитых художников. Муж ее интересовался этим мало, зато был более чем счастлив, обнаружив во мне ту же страсть. Я рано стал отдавать предпочтение определенным картинам, развешанным по дому, и тетушка Мэри тут же ухватилась за возможность взрастить еще кого-то, способного разделять ее восторги. Она стала рассказывать мне о картинах, поощряла к чтению книг о художниках, и я очень быстро перенял ее восторг, отбирая среди них собственных любимцев. Я обожал некоторые морские пейзажи, а еще акварели восточноанглийской школы, чудесные небеса и рав-

нинные болотистые пустоши. Думаю, на мой вкус во многом повлияло удовольствие, получаемое мной от окружающего мира. Меня не трогали портреты или натюрморты — так они и тетюшку Мэри не трогали, и в доме их было совсем мало. Интерьеры и изображения церквей оставляли меня равнодушным, а для понимания красоты человеческого тела я был еще слишком мал. Однако тетя развивала мои пристрастия, следила, чтобы я не копировал ее вкус, а вырабатывал собственный.

Своей последующей любовью к картинам я целиком обязан тетюшке Мэри и тем — счастливым! — годам становления. Когда тетя умерла — я как раз подбирался к Кембриджу, — то оставила мне многие из картин, которые вы видите вокруг, но какие-то я продал, чтобы купить иные. Уверен, она одобрила бы это. Она не была женщиной сентиментальной и пожелала бы

СМЕРТЬ ПОД МАСКОЙ

мне вдохнуть жизнь в свою коллекцию, наслаждаясь приобретением нового, когда старое становится в тягость.

Короче говоря, лет за двадцать или чуть больше я сделался настоящим искусствоведам, постоянно посещал аукционы и постепенно, не отказывая себе в удовольствии, сколотил капитал больший, чем когда-либо мог бы себе позволить на свое ученое жалованье. В промежутках между набегам в мир изящных искусств я, разумеется, неспешно прокладывал себе дорогу, поднимаясь по ученой лестнице, утверждаясь здесь, в колледже, публикуя известные вам книги. Со смертью тети и дяди мои регулярные поездки в Девон прекратились, я скучал по ним и мог утешаться лишь неослабевающей любовью к сельскому образу жизни и пешим прогулкам во время каникул.

Я бегло обрисовал свое происхождение, и теперь вам чуть больше из-

СЬЮЗЕН ХИЛЛ

вестно о моей любви к картинам. Но вы ни за что не догадаетесь, что случилось однажды, а возможно, так никогда и не поверите этой истории. Могу лишь повторить то, в чем заверил вас с самого начала: это правда.

Содержание

Пролог	7
Рассказ первый	15
Рассказ второй	23
Рассказ третий	47
Рассказ четвертый	53
Рассказ пятый	69
Рассказ шестой	85
Рассказывает графиня	107
Рассказ седьмой	165
Рассказ восьмой	181
Рассказ девятый	191